

ГУБЕРМАНИЯ

текст и фото Анатолий Семёнов

СЕМЬЯ

«Моё раннее детство было военное, и голод был чудовищный, – вспоминает Игорь Миронович. – А было мне тогда 5 лет. На год мы уезжали в Челябинск, потому что туда из моего родного Харькова эвакуировался вагонзавод, на котором работал мой отец. И вот главное, что помню из того времени. Раз в месяц отцу выдавали плитку шоколада, которую мать меняла на буханку хлеба. А поскольку я при этом обмолв присутствовал, то помню острое чувство жалости от расставания со столь вожделенным шоколадом. Вообще же из детства не помню почти ничего, в отличие от великого Льва Толстого, который во всех деталях описал, как его купали в младенчестве. Но на то он и Лев Толстой!

... Это было уже не раннее детство, и я учился в школе. Учился на отлично, рос в приличной семье, вёл себя тихо. Но было во мне что-то раздражающее. То есть отличник и тихоня из интеллигентной еврейской семьи. И меня били по всем этим поводам. Обычная районная школа, не элитная, но и не рабочая. Там учились самые разные дети. Нормальные, хорошие ребята. Но вот они меня

жутко били. И бить меня начали класса со второго. В результате я научился очень хорошо бегать. Ну а классу к восьмому уже стал довольно здоровым мужиком, и меня тут же перестали бить. Поэтому очень благодарен всем этим людям, поскольку здорово заматерел и за это время поднабрался силенок. Так что у меня довольно хорошие ощущения детства.

Мою любимую бабушку звали Любовь Моисеевна. Когда приходила с мороза, обычно говорила: «Чтоб жарко – так нет!» А вообще была очень осторожна в выражениях. Чудесно любила мне повторять: «Гаринька, каждое твоё слово – лишнее!» Это я очень хорошо запомнил на всю жизнь, однако надлежащих выводов не сделал. Однажды она даже попыталась обучить меня разнице между мужчиной и женщиной. А я был уже на втором курсе, успел побывать на практике, поэтому успел стать мужчиной. Вот она и говорит: «Гаринька, я тебе должна признаться, что у тебя одно, а у меня – другое!» И совершенно дико покраснела. Ну я и признался, что всё ЭТО уже знаю. А она была сильно разочарована моим «ранним» развитием. Особенно если учесть, что на тот момент мне исполнился 21 год (смеётся). Вообще бабушка была очень хорошим человеком и невероятно много сделала для моего душевного воспитания. Именно она приятнее всех произносила моё имя: «Гаринька». Отсюда и мои «гарики».

... В каждой еврейской семье должен быть хотя бы один поряточный ребёнок. У нас это был мой старший брат – Давид. Именно он на Кольском полуострове пробурил самую первую в мире сверхглубокую скважину. Американцев и немцев даже обогнал. Они до сих пор только до восьми километров добурились, а он – больше чем до двенадцати! Он посвятил работе над этой темой 35 лет жизни. Стал академиком. Вообще был очень настоящий, хороший и активный человек. К сожалению, он уже умер.

**Давайте поиграем в угадку!
Кому 7 июля исполнилось 85 лет?
И кто сумел сочинить такое гениальное четверостишие:
Вовлекаясь во множество дел,
Не мечись, как по джунглям ботаник.
Не горюй, что не всюду успел –
Может, ты опоздал на «Титаник»!**

**Или вот ещё одно:
Я живу, постоянно краснея
За упадок ума и морали:
Раньше ввали гораздо честнее
И намного изящнее крали.**

И ещё двенадцать тысяч столь же блистательных мини-стихотворений – «гариков». Благодаря своей афористичности они стали частью фольклора, и их растащили на цитаты сотни тысяч поклонников этого неукротимого таланта. Долгие годы Гений сарказма собирал полные залы во всех странах, где есть русскоязычная аудитория. Сегодня у нас в гостях юбиляр, поэт, прозаик, человек мира и изобретатель «гариков» Игорь Миронович Губерман.

... Мой папа, Мирон Давыдович, по образованию, естественно, был инженер-экономист. Он очень серьёзно мне сказал: «Гарик, занимайся чем угодно (а я тогда уже начал пописывать свои стишки), но получи образование, чтобы было на что кормить семью». В институт я поступал в 1954 году, а школу закончил с медалью, и поэтому мне предстояло только собеседование. Сначала меня «зарезали» в энергетическом. Затем в Бауманском весьма симпатичный молодой мужик, который сидел на приёме документов, без всяких предисловий заявил: «Парень, иди отсюда! Всё равно тебя завалят на собеседовании!» В результате я поступил в железнодорожный институт. Знаменитый МИИТ (Московский институт инженеров железнодорожного транспорта – прим. авт.) И там у нас в группе из 24 человек было двадцать человек медалистов. В общем, я закончил ВУЗ по специальности «инженер-электрик». У нас был очень мерзкий декан, который ехидно спросил: «А Вас, Губерман, конечно, уже ждут в каком-нибудь конструкторском бюро?» И правда, ждали. Поскольку был список выпускников, которых запрашивали в конструкторские бюро. Но я такой очень своенравный был козлик и гордо ответил: «Нет! Поеду, куда скажете!» Ну и поехал в Башкирию. После этого ещё год проработал там машинистом. Целый год водил электровоз с гордым именем «Владимир Ленин». Это было потрясающе счастливое время. Потом работал инженером, электриком, наладчиком...»

ТАТА

«Свою Тату полюбил уже давно, и у нас были очень хорошие отношения, – признаётся Губерман. – Но мне просто в голову не приходило, что надо жениться. Потом она забеременела и написала мне письмо. А я в то время был в красноярской «командировке». Вот и ответил – вернуться и пожениться.

Да, я бывал и груб, и зол, / Однако помяну,
Что я за целый век извёл / Всего одну жену.

С женой мы вместе более 55 лет. Жизнь сложилась удачно, ведь у нас очень хорошая семья. Мне ужасно повезло, ведь именно я вытасил тот самый, счастливый билет. Часто на пьянках, славя свою жену, отмечаю: «Если бы не Тата, просто, наверное, сидел бы в тюрьме за убийство очередной жены!» Сначала мне повезло ещё и в том, что впервые придя к ней домой, я умудрился починить выключатель от торшера. И она в меня поверила! (смеётся).

С женой я почти не скучаю, / Жую повседневную жвачку.
И даму с собачкой встречая, / Охотней смотрю на собачку.

Я в людях почти не разбираюсь, а вот жена – наоборот. Это такой женский инстинкт. Неоднократно в качестве друзей приводил людей, которые мне ужасно понравились. Буквально влюблялся в них. Конечно, Тата принимала их очень приветливо. Однако после того как они уходили, говорила: «Опять ты г...но в дом привёл!» На что я дико обижался, но через какое-то время оказывалось, что жена была права.

У меня если в чём-то сомнения, /И решения ждут моего,
Мне жена говорит моё мнение, /И я всем оглашаю его.

Жена моя – филолог, человек очень умный. Она совершенно спокойно относится ко всему, что я пишу. Порой со смехом спрашивает меня: «Ну что, какую новенькую гадость ты про меня написал?», если я выхожу из комнаты с сияющим лицом. Тата прекрасно понимает, что автор и образ героя, который присутствует в стихах – это совершенно разные вещи. И вообще, в семье стишки воспринимают вполне нормально. Ну есть такой папа, дедушка, муж, который пишет стихи. Хорошо, что он этим занимается, а не курит опиум (смеётся). Наверное, я очень счастливый человек. Незаслуженно счастливый! Поскольку по своим качествам я не должен бы заслуживать тот покой, которым я сейчас обладаю. У меня потрясающе умная жена, и если бы я вдруг стал вести себя нескромно или заявлял бы, что я большой поэт, то она бы мигом поставила меня на место. При всей любви ко мне. Поэтому вот, наконец, самокритичное:

Мужчина – хам, зануда, деспот, / Мучитель, скряга и тупица.
Чтоб это стало нам известно / Нам просто следует жениться.

Тата – это мой талисман. И настоящая жена! Я никогда с ней не спорю. Это ведь каким дураком надо быть, чтобы спорить с собственной женой?! Она меня очень любит и мерзким не считает, а только иногда называет. А это разные вещи. Что касается её сарказма, о котором я порой упоминаю в стихах, то он в крови у всех жён. И вообще, ей со мной чудовищно повезло. Хотя она этого не знает...»

ИЗРАИЛЬ

«В самый разгар законности и прав человека, где-то в самом начале 1988 года, нас с женой вызвали в ОВИР, – вспоминает Игорь Губерман. – И дивной красоты чиновница произнесла слова, особенно замечательные для той эпохи: «Министерство внутренних дел приняло решение о вашем выезде». Мы не стали сопротивляться. Просто появилась возможность прожить другую жизнь, мы же с Татой никакие не сионисты. В СССР бушевала перестройка, и даже в московских магазинах не наблюдалось ни крошки продовольствия. Не говоря уже о других городах. В Израиль мы летели через Вену, где я зашёл в средних размеров мясную лавку. Там оказался просто чудовищный выбор разнообразных колбас и прочих мясных изделий. Тут я заплакал от унижения, потому что прибыл оттуда, где всего этого не было и в помине.

Нас в Вену тогда прилетело человек 250, из которых примерно двести сразу же ушли на другой рейс, чтобы лететь дальше в Америку. В итоге нас осталось не более полусотни. Тех, кто направлялся в Израиль. Вдруг ко мне подошёл совершенно незнакомый мне мужичок со словами: «Губерман, пойдёте со мной!» Мы прошли по бесконечным коридорчикам и нырнули в какую-то дверь. И вот впервые в своей жизни я оказался в настоящем западном баре. Приятная музыка играет, бутылки красивые стоят. Не успел я толком осмотреться, как незнакомец уже протягивает мне фужер с шампанским: «Наш общий друг Саша Окунь просил встретить Вас именно таким образом!» И тут я заплакал во второй раз. Ну а в третий раз заплакал, уже когда прибыл в Израиль...

...Конечно, сначала нам было очень трудно. Никаких надежд, потому что я практически без всякой специальности. Инженер я чудовищно плохой. Жена у меня – филолог. Понятно, насколько это востребовано в Израиле. Однако жена бодро заявила: «Я пойду мыть подъезды, но желательнее аптеки. Поскольку там чисто!» То есть мы приехали, совершенно не представляя себе, как и чем будем там жить. Поэтому первые пару лет оказались невероятно тяжёлыми. Но ностальгии не было ни грамма. Через какое-то время Тата устроилась работать в отдел восточноевропейской культуры тамшнего университета. А я поначалу начал учиться на экскурсовода. У одной очень талантливой женщины стал перенимать опыт по проведению экскурсий. И даже кое-что освоил. Потом лет десять проработал на радио и затем пару лет на телевидении. С моим товарищем Сашей Окунем вели большую радиопередачу с приглашёнными гостями. Ведь в те годы в Израиль перебралось огромное количество интересных и талантливых людей. Причём всё это были «советские пришельцы». Отчего в Израиле случился резкий скачок высоких техно-

логий, в том числе в медицинской сфере. И вот мы этих удивительных гостей приглашали для разговора в нашей студии. В общем, постепенно всё как-то стало налаживаться. Вскоре выяснилось, что у меня там уже накопилось безумное количество русскоязычных читателей. Тогда я и перешёл «на вольные хлеба». Короче говоря, стал повсюду ездить и «завывать» свои стишки...

Да, в Израиле я дома. Но и Россию невозможно позабыть. Её я очень люблю и не перерезал эту пуповину. Ведь я пишу стихи и о России. Постоянно езжу сюда выступать. И здесь тоже чувствую себя дома. Но если за Израиль ощущаю гордость и страх, то за Россию – стыд и боль...»

«ГАРИКИ»

«Честно говоря, я больше читатель, чем писатель. Читаю огромное количество книжек, – признаётся Игорь Миронович. – Люблю Акунина, ещё Пелевина. Правда, не последние его книжки. Последние просто недоступны, я их не совсем понимаю. Кстати, вот загадка: зачем они вообще написаны? Дину Рубину очень люблю, Люсю Улицкую. Из поэтов мне нравятся Тимур Кибиров и Игорь Иртеньев. Просто великолепные поэты! Иногда натыкаешься на какого-то замечательного поэта или писателя, которого раньше никогда не читал. Например, в Америке есть замечательная поэтесса – Наташа Резник. У нас её чем-то напоминает Лариса Дымова.

Вообще, на мой взгляд, бумажная литература никогда не исчезнет. Всегда найдутся идиоты вроде меня, которые предпочитают шелест страниц пресловутой глади стекла. Я вообще по стеклу очень плохо читаю, да и не люблю этого. Просто в будущем книжки будут издаваться небольшими тиражами. Лично у меня дома огромная библиотека. Немало я оставил и в России. И продолжаю покупать книги. На самом деле, уже жить невозможно из-за книг. Да и городская библиотека перестала от меня принимать корзины и чемоданы с книгами. А книг всё больше и больше. Поскольку умирают русско-еврейские старушки и оставляют книжки. Ведь у нас была невероятно книжная цивилизация!

Лично я стихи начал писать довольно поздно. Наверное, лет в двадцать пять. И написал их несколько тысяч, даже не представляя портрета своего читателя, потому что писал, что называется, «в стол». Это были семидесятые годы. Однако некий портрет у меня всё-таки был. Мой критерий был следующий: могу ли я вечером по пьянке это прочесть своим друзьям. Но чтобы потом не было стыдно! И потому портрет условного читателя тех лет – это для меня обобщённый портрет моих друзей. А лет через десять стихи стали ходить в Самиздате. Когда в 1979 году моя первая официальная книжка вышла в Израиле, я подумал, что мои стишки лучше всего назвать «гариками». Ведь дома все, начиная с любимой бабушки, называли меня Гариком. Очевидно, это получилось весьма органично, поскольку впоследствии возникло несметное количество «мариков», «петиков», «мишиков» и «юриков». Одна женщина даже выпустила книжку, которую назвала «Ирики». То есть я стал родоначальником необычной моды. Теперь каждый человек, который пишет четверостишия, не раздумывая, называет их своим именем. Но, к сожалению, ничего стоящего я среди них пока не встречал. И, к

счастью, мне теперь перестали их присылать. Видимо, полагают, что я уже в маразме и просто не в состоянии их благословить. Есть парочка исключений. В России появилась прекрасная поэтесса Лидия Заозёрская, которую даже называют «Губерман в юбке». Да ещё в Одессе есть весьма интересный мужик – Миша Векслер, но он пьющий.

...Написание «гариков» сродни выделению желчи из печени. Но в этом смысле моя печень пока не изнасилась. По-прежнему много пишу. Много стишков. Происходит это почти каждый день. И совершенно произвольно. А в день, когда не пишу, так сильно мучаюсь. Но ещё до «гариков» я очень хотел что-нибудь писать. В СССР вышло несколько моих научно-популярных книжек. Например, «Третий триумvirат» о биологической кибернетике. Кстати, её даже перевели на японский язык. А ещё «Чудеса и трагедии чёрного ящика» об исследовании мозга. Но я не стал членом Союза писателей. Просто потому что брезгливый человек. Сейчас я литератор, стихоложеством занимаюсь. И никакой не сатирик. Сатира – это Салтыков-Щедрин.

И мне совсем не хочется притворяться творческим человеком. Например, встаёшь утром, голова болит и прямо жить не хочется. Ведь я совсем не утреннее существо. Но выпьешь кофейку, закуришь, и какая-то идеяка нет-нет, а начинает вертеться. Тогда, вероятно, и напишется стишок. То есть я не потею и не мучаюсь, сидя за столом по несколько часов. Не могу похвалиться – нет у меня творческих мук! К сожалению. А какой-то доход мои стишки начали приносить, когда я уехал в Израиль. Ну а в России в это время уже была свобода, и повсюду стали печататься мои книжки. Но всё-таки главные мои заработки – актёрские, потому что я повсюду выступаю, «завывая» свои стишки. Выступаю в Германии, Штатах и других странах, где есть русскоязычная аудитория. Пару раз в год выступаю в России. Сейчас на концерты приходит всё больше молодёжи. Это просто отличная публика...»

ДРУЗЬЯ И ГОРОДА

«Это так кажется, что у меня множество друзей, – улыбается Игорь Губерман. – На самом деле у меня множество приятелей. А друзей человек 15 наберётся. Ну в принципе – это довольно много. И в самых разных уголках земного шара. Друзья – это великое счастье. В наше время, ужасно корыстное и невероятно подлое, во всех без исключения странах происходит чудовищное отчуждение людей друг от друга. Ужасно затрудняется общение. С друзьями всё довольно просто. Поэтому когда у тебя есть друзья и когда ты убеждаешься в их преданности в различных ситуациях, то есть они ведут себя безупречно – это огромное счастье. А ещё если есть с кем выпить в конце каждой недели, то это – просто редкостная удача!

Благодаря моей любимой теще Лидии Борисовне я дружил с таким замечательным человеком, как Людмила Наумовна Давидович. Она была автором ряда известных советских песен. Например, «Пока уж ночь недалека» и «Играй, мой баян». Несмотря на значительную разницу в возрасте, мы с ней крепко подружились. А она ведь была практически ровесницей моей бабушки. Мне вообще очень повезло с людьми, с которыми я в этой жизни общался. Вот Леонид Ефимович Пинский – литературовед, я ему очень многим обязан.

Уже много лет Новый год встречает в нашем доме человек 25-30. Я – всегдашний Дед Мороз, а Снегурочкой при мне состоит мой друг Юлий Ким. Тата выдаёт ему специальный халат и блондинистый парик. И каждый год Юлий пишет новый монолог для своей героини. У него обычно новые стихи и замечательная новая песня. Каждый гость получает подарок в зависимости от знака года и подарочный стишок. То есть репертуар меняется ежегодно. И всей большой компании очень весело...

Я – москвич и всю «советскую» жизнь прожил здесь. Но сегодня Москва – уже не мой город. Это город холодный и державный. Вот Питер в этом отношении – не холодный. К тому же в Москве тот двухэтажный барак, где я вырос и жил, давно уже снесён. На его месте выросло какое-то безликое огромное здание. В общем, не ёкает моё сердце, когда хожу по своему бывшему району. Немало друзей когда-то жило в Москве. Однако большинство состарилось. К сожалению, многие и поумирали. Но такой уж возраст.

Короче говоря, теперь больше люблю Питер. Бывал там сотни раз. И мне там хорошо. Некоторым людям он не нравится. Он-де унылый, серый и дожди. Однако уныние – это вообще не про меня. Ну а на погоду и вовсе не обращаю внимание. Ведь водку с друзьями можно пить и в помещении. И настоящие друзья как-то сами собой по жизни образуются.

... Я очень привязан к России, ведь прожил здесь целых 52 года! Не хочу употреблять слово «любовь», но это что-то именно такого рода. Обожаю Израиль! И моя душа, не разрываясь, привязана к обеим странам. Недаром, когда приезжаю в Россию, то начинаю говорить – «мы». И тем не менее, я – домосексуалист, лучше всего себя чувствую дома, в Иерусалиме. Правда, на иврите так и не заговорил. Могу спросить «как доехать?» и «как пройти?», но с ужасом ожидаю ответа. То есть с ивритом у меня проблем нет. Проблема у тех, кто хочет со мной на иврите поговорить. У меня в разговорном запасе есть порядка 50 слов, которые я использую так, как будто у меня их 55 (смеётся). Но, по сути дела, язык там не особенно и нужен, поскольку кругом российское окруже-

Игорь Губерман и Анатолий Семёнов

ние. В любом автобусе, если по-русски спросить дорогу, то тебя тут же замучают советами, потому что всегда найдётся хотя бы несколько человек, владеющих русским языком. И уже позабыв обо мне, они будут ожесточённо спорить друг с другом, куда правильнее ехать. Недаром у меня были такие строчки: «Как славно жилось бы в Израиле, когда б не жара и еврею!»

...Ну а в Москве мне хорошо в Лаврушинском переулке, у Татиной сестры. Сюда приезжаю, пожалуй, чаще, чем в другие страны мира. Хотя и в Израиле постоянно выступаю. В Америку и Германию езжу реже. А ещё – в Данию, Швецию, Чехию, то есть повсюду, где есть русскоязычное население. К моему величайшему изумлению, есть оно даже в ... Исландии. По-моему, это сам Господь Бог так везде рассеивал моих читателей-слушателей, чтобы я мог ездить по всему миру. Правда, в Штатах у них уже американский подход: раз я заплатил за тебя 50 баксов, то давай подпрыгни как-нибудь повыше.

А вот российская публика – самая лучшая, потому что она ещё слышит СЛОВО! И это крайне важно. Моя российская аудитория – это те, кого раньше называли научно-технической интеллигенцией. Им сейчас уже немало лет и многие ещё помнят меня по Самиздату. Приятно, что здесь ко мне на концерты ходит всё больше молодёжи. Это просто отличная публика. Но частые поездки на Родину связаны не только с обилием здесь моих слушателей и читателей. Просто пуповина с Россией совершенно не перерезана. Очень люблю Россию и чувствую себя здесь потрясающе органично. Нахожу общий язык и с забулдыгами, и с профессорами. Сидим в каком-нибудь недорогом ресторанчике, главное, чтобы там было дымно и шумно. Выпиваем и отлично друг друга понимаем...»

